

Предметом изучения наивной языковой картины мира являются концепты-универсалии, присутствующие в любой лингвокультуре и несущие общие научные и мировоззренческие понятия. Концепты-уникалии образуют содержательную основу в рамках национального языка и соответствующей культуры.

Таким образом:

1. Языковая картина мира – фундаментальный объект изучения когнитивной лингвистики.

2. Языковая картина мира – это сложный механизм, исследование которого способствует развитию как когнитивной лингвистики в целом, так и отдельных её направлений и структур.

3. В формировании, изменении и расширении языковой картины мира активно участвуют процессы категоризации и концептуализации.

Примечания

- 1 Маслова В. Когнитивная лингвистика. Минск, 2005. С. 6.
- 2 Колианский Г. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 18.

УДК 398.91(470)

ПАРЕМИОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНАХ МИРА (на материале пословиц о труде)

О. В. Борщева

Саратовский государственный университет
E-mail: borshcheva@list.ru

Статья посвящена исследованию концепта ТРУД в традиционной и современной картинах мира носителей русского языка. Анализ функционирования паремий, отражающих традиционный уклад жизни русского человека, в современных периодических изданиях позволяет выявить изменения, происходящие в мировидении и нормативно-ценностных установках общества.

Ключевые слова: паремиология русского языка, концепт ТРУД, традиционная и современная картины мира.

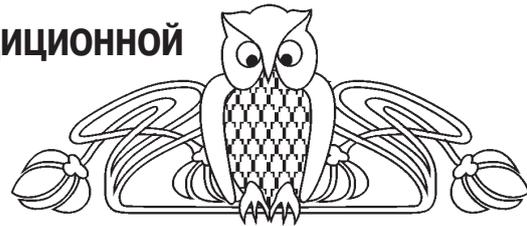
Paremiology of the Russian Language in the Traditional and Modern World Pictures (on the Material of Proverbs about Work and Labour)

O. V. Borscheva

The article deals with the research of the LABOUR concept in the traditional and modern world pictures of the Russian language speakers. The analysis of the functions of those paroemias, which reflect the traditional lifestyle pattern of a Russian person, in modern periodicals renders it possible to elicit changes taking place in the society's world outlook and the norms and value system.

Key words: paremiology of the Russian language, concept LABOUR, traditional and modern world pictures.

- 3 См.: Касевич В. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004. С. 78.
- 4 Попова З., Стернин И. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 37.
- 5 Касевич В. Элементы общей лингвистики. М., 1977. С. 7.
- 6 См.: Лыткина О. Типы картин мира в репрезентации концепта // Русский язык за рубежом. № 4. 2010. С. 66.
- 7 Пименова М. Душа и дух : особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 5.
- 8 Демьянков В. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 242.
- 9 См.: Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1999. С. 793.
- 10 Корнилов О. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 14.
- 11 См.: Маслова В. Указ. соч. С. 50.
- 12 Там же.
- 13 Болдырев Н., Магировская О. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 10.
- 14 Степанов Ю. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001. С. 43.

В современной лингвистике распространена точка зрения, согласно которой исследование концептуальной и языковой картины мира не может быть полным без анализа фразеологического корпуса языка¹. Подобное положение во многом определяется тем, что многие ученые считают, что именно в идиоматике (особенно паремиях) наиболее ярко отражается культурно-исторический опыт этноса: «...история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоциональное»².

Однако дискуссионным является вопрос, в какой степени картина, отраженная в идиоматике, традиционна и современна, ведь она формировалась на протяжении столетий. Решению этой проблемы может способствовать исследование функционирования концептуального (тематического) блока фразеологических единиц разного типа в современном русском языке. Концепт ТРУД, во многом связанный с базовыми ценностями социума в целом, – один из самых устойчивых

в концептосфере любого этноса, что отражается в его регулярном языковом воплощении, в частности в паремии русского языка.

Анализ зафиксированных в словарях паремий, в которых отражен традиционный уклад жизни русского человека, показал, что концепт ТРУД имеет значительную ценностную составляющую и регулярно получает выражение с помощью образных средств. В вербализации концепта участвуют пословицы, в состав которых входят концептообразующее слово и его синонимы, такие как *работа, дело* (*Работа не чёрт, в воду не уйдёт; Делу время, <a> потехе час*).

Вместе с тем репрезентантами концепта являются такие паремии, в которых есть лексемы, конкретизирующие виды трудовой деятельности (и деятелей). Наиболее частотные из них свидетельствуют о системе приоритетов в русском традиционном сознании. Это в основном единицы, связанные с традиционным сельскохозяйственным производством (*пахать, орать* ('пахать'), *жать, молоть*), а также с простейшими ремеслами, промыслами и т. п., направленными на удовлетворение жизненно необходимых потребностей: строительство, плотничье дело, ткачество и др.: *срубить* (избу), *крыть* (избу), *бить* (молотом), *тесать, рубить, сечь* (лес), *ткать, прясть, шить* (*Не умеешь шить золотом, бей молотом; Живёт не жнет, а хлеб жуёт; Криком изба не рубится <дело не спорится>*).

Наиболее частотной единицей в этом ряду является лексема *пахать* и ее устаревший синоним *орать*. Традиционный уклад жизни предполагал возделывание земли, которое требовало огромных усилий. Именно поэтому данные лексемы закрепились в сознании человека и отразились в пословицах как один из важных способов манифестации концепта ТРУД (*Орать* (*пахать*) – *так в дуду не играть; Мужик умирать собирайся, а земельку паши*).

Периферию реализации концепта составляют, во-первых, репрезентанты орудий труда и частей человеческого тела, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность: *руки, плечи, соха, топор, цеп, прялка* и т. д. (*Отлежав бока, не люблю за молотило братья; Один с сошкой, а семеро с ложкой; Лес сечь – не жалеть плеч; Золото не золото, не быв (побывав) под молотом*).

Показательно, что самым частотным «орудием труда» оказываются руки. Это связано и с реальным преобладанием ручного труда в традиционном хозяйстве, и с тем, что для русского сознания именно человек (а руки как его символический синоним) является непосредственным производителем всех материальных благ (и не только их): (*С печи сыт не будешь; Не печь кормит, а руки (а нивка); Глаза страшатся (боятся), а руки делают; Дал бог руки, а верёвки сам вей!*)

Во-вторых, это номинации конкретного результата традиционных видов деятельности: *урожай, хлеб, рубаха, изба* (*Не бравилась за то-*

пор, избы не срубил; Гребень (Прялка) не бог, а рубаху даёт; Проленился – и хлеба лишишься). Наиболее употребительной среди них является лексема *хлеб*, которая репрезентирует не только основной продукт питания, но и символ жизни в целом. Кроме того, труд – главный источник материальных благ и достатка, то есть самого существования человека (*Без труда не вытащишь рыбку из пруда*).

Материальный достаток как результат трудовой деятельности оценивается положительно (*Где работно, там и густо; Кто не ленив пахать, тот будет богатым*). Однако здесь есть определенные ограничения. Так, положительно оценивается только результат, достаток, который получен собственным трудом (ср.: *Не печь кормит, а руки; Загребать жар чужими руками*). К тому же, в идиоматике прослеживается убежденность русского человека в том, что никакие усилия, никакое усердие и трудолюбие не могут привести к настоящему богатству. Более того, труд и богатство оказываются несовместимыми (*От трудов праведных не наживешь палат каменных; Мужик не живёт богат, а живёт горбатым*).

Показательно, что при положительной характеристике достатка преобладает лексика из семантического поля «Пища» (*На ниве потей, в клетке молись, с голоду не помрешь; На чужую работу глядя, сыт не будешь; Как поработаешь, так и поешь*), то есть труд и трудолюбие гарантируют русскому человеку лишь сохранение жизни и поддержание на минимальном уровне комфорта.

Оценка «взаимоотношений» трудовой деятельности и достатка имеет и менее прагматический – моральный и нравственный – аспект. В целом число паремий, в которых результатом усилий является богатство, очень мало. Это связано с тем, что гораздо более значимыми для русского человека являются моральная ценность труда и свидетельство проявления нравственности и доблести, необходимых для осознания себя человеком (*Без дела жить – только небо коптить; Сама себя баба бьет, коли нечисто жнет; Золото не золото, не быв под молотом*).

Труд получает одобрение коллектива, именно труд придает смысл человеческому существованию (*Скучен день до вечера, коли делать нечего; Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет*). Кроме того, усердие, трудолюбие и постоянный труд – единственный способ достичь любого результата (*Терпение и труд – всё перетрут*). В силу того что русскому традиционному сознанию присуща общинность, именно коллективный труд оценивается позитивно и признается наиболее результативным (*В полплеча работа тяжела: оба подставишь – легче справишь; Дружно – не грустно, а врозь – хоть брось*).

Примечательно, что при характеристике трудовой деятельности такой признак, как мастерство, присутствует, но он не слишком продуктивен (*Дело мастера боится; Каков мастер, такова и*

работа). Хорошее качество, результативность трудовых усилий ассоциируются в большей степени именно с усердием, терпением, затратой сил и времени (*Лес сечь – не жалеть плеч; Делать как-нибудь, так никак и не будет; Вскачь не напашешься; Тяп-ляп – да и корабль*).

Второй тип оценки трудовой деятельности диаметрально противоположен, причем по числу манифестаций вторая позиция не уступает одобрительному отношению к труду. Негативная оценка труда концептуально значима и связана в первую очередь с тем, что в идиоматике работа ассоциируется исключительно с физическим трудом в натуральном хозяйстве, то есть крайне тяжелым, требующим огромных усилий, что, в свою очередь, приводит к негативным последствиям для организма человека. Реализация такого представления о труде осуществляется несколькими способами.

Во-первых, это прямое включение оценочной лексики в паремии, а также указание на физиологические проявления или последствия физической работы – *пот, кровь, мозоли, горб, гроб* и др., которые как метонимия и/или синекдоха актуализируют важные концептуальные признаки трудовой деятельности – бесконечность, непосильность и вредоносность. Труд – это тяжкая обязанность, он сопровождает человека всю жизнь до самой смерти, его невозможно закончить, а расплатой является не достаток, а немощь, болезнь и смерть (*Всех дел не переделаешь; Нашей работы не переработаешь; Горька работа, да хлеб сладок; Будет досуг, когда вон понесут; Мужик умирать собирайся, а земельку паши; Не столько богачей на свете, сколько горбунов*).

Однако чаще непосильность труда связана именно с принудительным его характером. В идиоматике, в частности, отражается такая историческая реалья, как барщина, которая олицетворяется, выступая в роли жестокого хозяина по отношению к крестьянину (*Нужда учит, а барщина мучит; На себя работа – не барщина*), еще одно свидетельство, что физический труд в традиционном сознании русского этноса – это в основном подневольный труд.

Таким образом, можно констатировать, что концепт ТРУД представляет собой единое концептуальное пространство в информативной и образно-оценочной зоне. Оценке подвергаются как сами усилия и условия труда, так и его результаты. Данная оценка неоднозначна, как неоднозначны природно-исторические особенности трудовой деятельности в России.

Положительную оценку получают такие концептуальные признаки, как усердие, терпение, готовность постоянно работать, результативность и коллективизм. Специфической особенностью является то, что усердие и терпение превалируют над мастерством и специализацией.

Отрицательно оцениваются возможные последствия трудовой деятельности (физическая не-

мощь, болезнь), а также природно и исторически обусловленные условия такой деятельности (тяжесть и подневольность, невозможность достичь настоящего достатка и благополучия посредством интенсивной работы). Вместе с тем сама трудовая деятельность воспринимается как единственная созидательная сила, основа жизни человека.

При анализе функционирования паремииологии русского языка, вербализующей данный концепт, в подкорпусе периодических изданий второй половины XX в. Национального корпуса русского языка была выявлена лишь пятая часть рассматриваемого паремииологического фонда.

Наибольшее число употреблений (29% из найденных контекстов) зафиксировано у пословицы *Кто не работает, тот не ест*, вошедшей в советские Конституции и ставшей базовым лозунгом советской эпохи.

Достаточно регулярно употребляется пословица *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* (20% из общего числа контекстов), а также часто приводимая в примерах школьных учебников паремия *Делу время, <a> потехе час* (18% из общего числа контекстов).

Значительно меньшей частотностью обладают паремии: *Всех дел не переделаешь; Дело мастера боится; Каков мастер, такова и работа; От работы кони дохнут; Работа – не волк, в лес не убежит; Работа дураков любит; Терпение и труд всё перетрут*.

Таким образом, в современном русском языке функционирует небольшая группа пословиц, относящихся к активному паремииологическому запасу, а те, в составе которых есть архаизмы, реалии прошлого, как отмечают исследователи³, имеют тенденцию устаревать (например *На себя работа – не барщина; Орать (пахать) – так в дуду не играть*). В текстах современных периодических изданий пословицы с лексемами, обозначающими традиционные виды сельскохозяйственного производства и простейших ремесел, также не употребляются.

Интересным является неоднократное употребление пословицы *От трудов праведных не нажить палат каменных: Если грабит, то людей богатых, к которым изначально негативное отношение, ведь «трудом праведным не наживешь палат каменных»*; *Примерно столько же бедных – 83 процента – считают, что «трудом праведным не наживешь палат каменных»*. Показательно, что во всех случаях данная пословица приводелась в кавычках.

Наряду с тем, что пословицы используются в том же значении, которое заложено в них изначально, регулярными являются их переосмысление и трансформация, вопреки господствовавшему ранее положению о том, что пословица обладает замкнутой формой клише⁴. При этом, как отмечает Н. Н. Федорова⁵, трансформация может быть как структурной, так и семантической и структурно-семантической.

При структурной трансформации сохраняется прежнее содержание, но происходит изменение лексического состава. Например, один из компонентов может заменяться словом, синонимичным исходному. Самой вариативной в этом плане является поговорка *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*, в которой многочисленным заменам подвергается глагол: *Без труда не вынешь / выловишь / вытянешь / вытащишь / выудишь рыбку из пруда*. Кроме того, возможно расширение компонентного состава за счет введения одного или нескольких компонентов: *Еще бы – от работы у нас «конидохнут»*; *Без труда, говорят, не вынешь рыбку из пруда*; *Сейчас, кто не работает, тоже не ест*; или, наоборот, исключение компонентов: *В наше трудное время жестко действует принцип: кто работает, тот ест*.

При семантической трансформации идет переосмысление содержания, часто за счет контекста: *И в итоге волевым решением ограничил для дочки время занятий компьютерными играми. Как говорится, делу – время, потехе – час. Точнее, сорок пять минут в день. Терпение и труд все перетрут – даже наши жировые запасы*. Таким образом, за счет контекста происходит буквализация отдельных компонентов.

Наиболее регулярны структурно-семантические трансформации поговорок, при которых (наряду с изменением лексического состава или грамматической формы) меняется и ее смысловое наполнение: *Получается, что кто не работает, тоже ест*; *Делу – время, потехе – ночь. Усталые, но довольные возвращались мы с работы*.

Распространенным является расширение компонентного состава поговорки, конкретизирующее ту ситуацию, для осмысления которой происходит данная трансформация: *человек человеку друг, товарищ и брат, но при этом, кто не работает, тот, несмотря на братские отношения, не ест*; *Практически все страны, в том числе и Россия, подготовили яркие культурные программы – ведь делу время, но и потехе час* (подчеркивается важность отдыха в сочетании с трудом); *Кто не работает, тот не только не ест, но и не моется* (то есть не из-за отсутствия желания работать, а из-за отсутствия возможности).

Как показывает анализ, основная часть концептуальной трансформации паремий связана с их философским и этическим наполнением, но в современной картине мира возможно расширение сферы приложения паремий, ср.: *Терпение и труд лишний вес перетрут, ... занимайтесь спортом ... – и похудеете*. В данном случае речь идет не о нравственных основополагающих ценностях, а о современном образе жизни, поиске способов борьбы с лишним весом. Таким образом, происходит снижение статуса поговорки.

При трансформации может изменяться коммуникативный тип высказывания, например переход из утвердительной формы в вопросительную, что влечет за собой сомнение в философско-

этическом наполнении традиционного концепта ТРУД, ср.: *Вас обязаны под роспись ознакомить с правилами внутреннего трудового распорядка. Кто работает и кто ест?*

Структурно-семантические трансформации могут использоваться даже с целью выражения иронии над народной мудростью: *Михаил без труда таскает рыбку из своего пруда: «Я обожаю маленькие речки Подмосковья»*. Введение местоимения *свой* акцентирует внимание на ответственности, а не на необходимости приложения усилий для достижения чего-либо. Кроме того, употребление просторечного *таскает* снижает статус высказывания.

При трансформации концептуальное наполнение поговорок может меняться чрезвычайно радикально, вплоть до антонимического. Например, замена лозунга социализма *Кто не работает, тот не ест* за счет пропуска второго отрицания на *Кто не работает, тот ест!* При этом данная трансформированная поговорка, став крылатой фразой благодаря известному фильму Л. Гайдая, перешла из окказионального употребления в узальное.

Кроме того, встречаются случаи языковой игры: *Вы уверены, что без «Труда» не выловишь рыбку из пруда?* В данном случае графически, при помощи кавычек и заглавной буквы, показывается, что речь идет не о труде вообще, а о газете «Труд».

Интерес представляют случаи контаминации, объединения частей разных идиом: *Не потрудишься до седьмого пота – не поймешь рыбку, то есть не сыграешь* (речь идет о произведении Шуберта под названием «Форель»).

Следует отметить, что наряду с различными видами трансформации основная масса паремий (75%) сохраняет свое первоначальное значение – представление о труде как об основополагающей ценности. Но изменения как в структуре, так и в содержании поговорок, использование их для языковой игры чаще всего отражают все же сдвиги в концептуальной картине мира этноса, по крайней мере, его части. С одной стороны, с изменением социально-экономических условий жить по старым устоям невозможно. Но, с другой стороны, несоблюдение традиционных норм осуждается самими же говорящими (например сознательное использование сниженной лексики). Базовые представления о труде остаются прежними: *Если будете стараться, в месяц и наберет от семи до десяти тысяч рублей. Как говорится, кто работает, тот ест; Молодежь нынче стоит на том же, на чем, собственно, и наши старики стояли: кто не работает, тот не ест*. Таким образом, анализ функционирования паремий в современном русском языке свидетельствует о том, что в активном запасе общества находится лишь небольшая часть паремнологического фонда. Но именно активно употребляемые поговорки позволяют определить самые важные на современном этапе сферы человеческой жизни.

При этом следует подчеркнуть вариативность наиболее употребительных из пословиц. Подобное явление свидетельствует о стремлении языкового коллектива отразить в своей речи отношение к современной действительности. Сопоставление традиционных пословиц с трансформированными позволяет выявить изменения, происходящие в мировидении и нормативно-ценностных установках общества. Перемены в экономической, политической, культурной сферах, влияющие на уклад жизни человека, находят отражение в структуре и содержании пословиц. Исходные пословицы, представляющие традиционную картину мира, в современном употреблении могут оставаться неизменными, свидетельствуя о неизменности базовых ценностей, или в определенном контексте, или при трансформации обогащаться новыми

смыслами, а иногда даже менять свое значение на полностью противоположное, отражая неминуемые перемены в жизни.

Примечания

- 1 См.: Бабушкин А. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. С. 96–97.
- 2 Телия В. Русская фразеология. М., 1996. С. 82.
- 3 См.: Кунин А. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996.
- 4 См.: Пермяков Г. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970.
- 5 См.: Федорова Н. Современные трансформации русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007.

УДК 811.161.1'37

ВРЕМЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПАРАМЕТРОВ СОБЫТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ (на материале русскоязычных ассоциаций)

Е. Г. Трещёва

Саратовский государственный университет
E-mail: treshyova@gmail.com

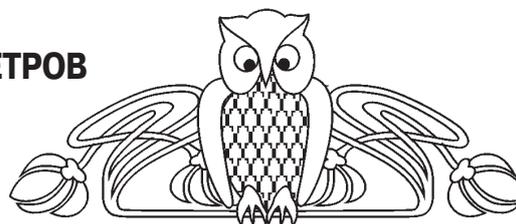
В статье рассматривается проблема зависимости направления реагирования в ассоциативном эксперименте от типа стимула. На примере реакций, отражающих такой компонент событийной структуры, как «время и длительность», показывается, что имена событий как особый тип стимулов ассоциативного словаря вызывают реакции, отличные от тех, которые вызываются стимулами других типов. Реакции с временной семантикой группируются согласно обозначаемым ими аспектам временного плана. На основе данной группировки проводится сравнение ассоциативных полей имен событий с ассоциативными полями стимулов, обозначающих действия и объекты, а также выделяются внутрикатегориальные разновидности событийных стимулов.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, ассоциативное поле, событие, имя события, структура события, временная локализация события.

Time as One of the Event Structure Key Parameters (Based on Russian Verbal Associations)

E. G. Treshyova

The article deals with the problem of how a stimulus type influences the direction of giving answers in an associative experiment. Based on the analysis of reactions representing such an event structure component as «Event time and duration», event names are shown to be a specific stimuli type causing reactions which differ from those caused by stimuli of other types. Reactions with temporal semantics are divided into groups according to temporal aspects designated by them, which may serve as the basis for comparing event names' associative fields to those of stimuli naming actions and objects.

Based on the differentiation of temporal reactions, two basic types of events are distinguished within the category.

Key words: associative dictionary, associative field, event, event name, event structure, event temporal localization.

Изучение вербальных ассоциаций в настоящее время является одним из активно разрабатываемых направлений в рамках психолингвистики (см. работы В. Е. Гольдина, Е. И. Горошко, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, А. П. Сдобновой, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой и др.). В сознании человека ассоциативными связями объединены различные слова и понятия, являя собой сложное когнитивно-психическое явление, которое Ю. Н. Караулов назвал ассоциативно-вербальной сетью. Каждое понятие рождает у говорящих множество ассоциаций, и крайне важно изучить сами закономерности возникновения этих ассоциативных связей. Мы предполагаем, что в ситуации ассоциативного эксперимента направление реагирования зависит от типа стимула, и эти закономерности можно обнаружить, изучая реакции, полученные на стимулы определенных типов.

Материалом для настоящей работы послужили ассоциативные поля (АП) стимулов Русского ассоциативного словаря¹ (РАС) и Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области² (АСШС). Контрольную группу составили ассоциативные поля стимулов одного типа – имен событий (например, беседа, война, поход, праздник, прогулка, революция, ужин, эксперимент, ярмарка и др.).